

владели им так же, полностью управляя, как прежде, беспрепятственно и твердо, кроме отделенных от них участков, как оно разъяснило. Впоследствии же чтобы они не находили со стороны поселенцев вышеупомянутой крепости, пусть даже случайно, оскорбительного отношения или вреда, или какого-либо наказания, но чтобы вышеупомянутая крепость содержалась свободной от обложения и чтобы обитатели Ивирского монастыря ничего не требовали по поводу участка в 200 оргий, однако чтобы за землю в 50 модиев вне крепости намеревающиеся там осеть вносили соответствующий кефалеон, сверх того же чтобы тем же самым монахам был передан соответствующий участок внутри той же самой крепости, чтобы построить постоянный двор. Когда же было послано мерности нашей такое письмо и потребовалось упомянутым монахам помимо этого и наше письмо, ради убедительности более длинное, предписывает мерность наша иметь то письмо, что просили, а именно подтверждающее предыдущее, поскольку оно, письмо от вышепоименованного благочестивейшего прота, разъяснило, что впредь ни один из благочестивейших протов и, конечно, никто другой в нарушение и уничтожение его не должен отступить и указанному метоху никогда не быть оторванным от вышеупомянутого Ивирского монастыря и не находить выпавшего на его долю притеснения и несправедливости, и оскорбительного отношения, и обременения, и ущерба какого-либо со стороны людей, которые будут поселены в указанной крепости или вне ее с другой стороны, а именно при уплате соответствующего кефалеона за вышеупомянутую землю. Ибо если бы от них последовал какой-либо урон этому метоху, они должны быть наказаны вдвое. И вообще мы предписываем, что раз навсегда остается в силе нерушимым, неизменным и непоколебимым внесенное по этому поводу в упомянутое письмо благочестивейшего прота. Отступивший же в нарушение и уничтожение его пусть знает, что он навлечет на себя самое суровое церковное возмездие».

Письмо рисует тревожную обстановку. Речь идет не только об учащающихся нападениях со стороны врагов (Афон, № 93.3), о вынужденном строительстве (Афон, № 93.1—2, 7, 10—12) крепостей⁸⁵, но и о растущих трудностях для экономических связей. Монахи Ивирского монастыря добились того, чтобы в крепости им был передан соответствующий участок для постройки постоянного двора (ή ἀνάπασις. — Афон, № 93.29; ср.: Афон, № 30.11). Устраивать во время поездок привалы в незащищенном месте уже было невозможно.

Проскафимены обозначаются в письме как: 1) поселенцы (οἱ ἐποίκοι. — Афон, № 93.24), 2) народ, который будет поселен (ὁ κατοικισθῆσόμενος λαός. — Афон, № 93.10), 3) люди, намеревающиеся поселиться (οἱ μέλλοντες κατοικῆσαι ἄνθρωποι. — Афон, № 93.16), 4) люди, которые будут поселены (οἱ οἰκισθῆσόμενοι ἄνθρωποι. — Афон, № 93.37—38), 5) намеревающиеся осеть (οἱ προσκαθίσει μέλλοντες. — Афон, № 93. 27—28). Письмо показывает, что термин «эпики» мог употребляться не только в значении «жители» для номинации самых различных групп населения (горожане, деревенские жители, свободные крестьяне, феодально-зависимое население, феодалы, купцы и т. п.), но и в значении «поселенцы». Отсюда следует, что было бы неточно всегда переводить термин «эпики» словом «жители».

Происхождение присельников неясно из письма. Ф. Дэльгер считал, что речь шла о свободных крестьянах (Афон, с. 249, прим. к стк. 10), приводя такие аргументы: 1) «нигде не сказано, что они подчиняются тамошнему монастырю»; 2) «они обозначены соответственно этому (стк. 24) не как πᾶριοι или προσκαθήμενοι, но как ἐποίκοι, наименование для свободных крестьян». На это можно ответить так: 1) нигде не сказано, что поселенцы никому не подчиняются (имеются в виду казна, другой монастырь, церковь или светский феодал); 2) термин «эпики» мог обозначать не только свободных крестьян, но также любую социальную группу в поздней Византии. Подтвердить гипотезу Ф. Дэльгера какими-либо фактами невозможно.